

Глава 1,
*в которой приходится принимать
неожиданное решение*

Город Мастеров производил престранное впечатление. Сперва Чарльз едва не задохнулся от вони. Она была столь резкой, что глаза заслезились, и в слезах этих, в едком тумане, что окутывал то ли вокзал, то ли пристань, он совершенно потерялся.

— Никак не привыкну, — проворчал орк, ухватив Чарльза за шиворот, что и удержало графа от падения.

Рядом раздался протяжный трубный звук, коему ответил лязг и грохот, но с другой стороны. В лицо пахнуло жаром, и капли желтого тумана, наверняка ядовитого, испарились, оставив мерзковатое ощущение грязной кожи.

— А к этому, — просипел Чарльз, пытаясь все-таки прийти в себя, — вообще можно привыкнуть?

— Со временем. — Эдди озирался вокруг, явно пытаясь высмотреть кого-то. — Погоди. Держитесь с Милли рядом, сейчас знаки получим.

— К-какие?

— Что находимся тут законно. — Эдди осторожно высвободил Чарльза из рук собрата. — И что пошлину уплатили.

— Пошлину?

— На прибытие, — пояснил орк, доставая кошель. — Люди жадные.

А Чарльз согнулся в приступе кашля. Проклятье... да даже некромант держится лучше, чем он.

— Просто ты отравлен был, — заметила Милисента и под руку взяла. — Вот и... А воняет зверски.

И вправду.

Хуже, чем на нефтеперерабатывающем заводе, и даже чем на бойне, будто... будто всем и сразу. И маслами, и железом горячим, и гарью, дымами, кровью, плотью гниющей.

— Ртом дышите, — посоветовал некромант и протянул железную коробочку. — И смажьте ноздри розовым маслом.

— С-спасибо. — Отказываться Чарльз не стал.

И сделал пару глубоких вдохов, мысленно обругав себя за слабость. Отравлен там или нет, но это еще не повод в обморок падать.

Вокзал?

Если так, то подобных вокзалов Чарльз не видывал.

Он огляделся, пытаясь целиком запомнить эту удивительную картину. И огромную башню, удерживающую на железном теле своем тонкие мачты дорог. И скользящие по дорогам этим вагончики. Одни нарядные, поблескивавшие медью и позолотой, другие грязные, тяжелые с виду. Башня уходила в небеса, на каждом ярусе своем раскрывая лепестки причалов.

Здесь же, на нижнем уровне, к ней вплотную подходили поезда.

Суетились люди.

Медленно ползла механическая тележка, заваленная чемоданами, а за нею, нелепо переваливаясь с боку на бок, спешил господин в сером костюме и красном тюрбане. За господином вышагивала очень высокая дама, чье лицо укрывала маска.

— Не зевай, — ткнула его в бок кулачком Милисента. — А то ж обнесут.

И Эдди кивнул, подтверждая, что это вполне может произойти.

Меж тем поезда разгружались, и лошади, нехотя, фыркающая, явно оглушенные, что звуками, что запахами, выходили на перрон. Их тотчас уводили ниже.

— Заберем после. Выдадут, — пояснил Эдди. — Тут им тяжело.

Чарльз согласился — тяжело, причем не только лошадям.

Однако, зазевавшись — слева два коротконогих механома занимались разгрузкой вагона, ловко перекидывая мешки на широкую тележку, — пропустил появление высокого человека в черных одеяниях. Тот был узок лицом, хмур и разглядывал прибывших с некоторым сомнением. На голове человека поблескивал шлем, украшенный многолучевой звездой.

— Брось, Вин. — Эдди старательно оскалился. — С каких это пор тут честным людям не рады?

На лице человека ничего не отразилось.

— Или закон изменился, пока меня не было?

— Нет, — сухо произнес тот. — Плата поднялась.

— И сколько теперь?

— Женщина — десять золотых, остальным по два.

— С чего бы?

— Приказ Мастера. Женщины подлежат регистрации по особому списку. Незамужние.

— Э, погоди... — Эдди встал между типом и Милисентой. — Это моя сестра.

— Не имеет значения.

— Она уже почти замужем!

— Тоже не имеет значения. Женщины подлежат регистрации.

— В течение какого времени после прибытия? — уточнил Чарльз.

— В течение суток, — прозвучал ответ, а в глазах типа мелькнуло что-то такое, одобрительное.

— Что ж, у нас есть еще сутки, верно?

— Временные жетоны?

— Только для дамы. — Чарльз крепче сжал руку Милисенты. Похоже, дело придется начать вовсе не с поселения в гостиницу.

Ему ответили кивком.

Спустя пару минут Чарльз честно закрепил на сюртуке узкую полоску металла. Золото? Скорее уж позолота, под которой чувствуется искра Силы. Стало быть, пропуск не просто так, но артефакт.

Понять бы какой еще.

Некромант свой разглядывал с немалым интересом, а орк, поглядевши в спину полисмену — во всяком случае Чарльз решил, что человек этот выполняет схожие функции, — поинтересовался:

— И дальше что делать?

— Для начала найти храм. — Чарльз потер руки.

— Зачем? — Милисента поскребла свой значок, который, в отличие от прочих, был медным. А на меди стояли знаки, явно временные отметки.

— Жениться будем.

— Что?!

Эдди вздохнул и виновато потупился:

— Извини, Милли... и ты тоже.

— Ничего. — Чарльз потер глаза, которые все одно слезились. То-то местные в очках ходят, да не простых, а тех, что обычно в лабораториях используют. — Не нравится мне эта регистрация. Сперва регистрируют, потом на учет поставят, а там окажется... мало ли чего окажется.

— Но... но... — Милисента нахмурилась. — Можно ведь как-то иначе...

— Как?

— Не знаю.

— Вариантов несколько. — Чарльз потер зудящие глаза. — Первый. Мы ищем обратный поезд и убираемся отсюда, чтобы устроить тебя где-нибудь в безопасном месте, а потом вернуться. Мне он не по душе, поскольку сильно подозреваю, что безопасных мест немного. Или... ты с братом возвращаешься, а мы постараемся как-нибудь...

— Не выйдет, — Эдди покачал головой. — Тут и прежде было строго... в общем, за чужаками приглядывают, а уж если тебя ждут, то...

Он развел руками.

И Чарльз подумал: вполне возможно, действительно ждут. И вовсе не для того, чтобы воссоединиться большой и дружной семьей.

— Вариант второй. Мы тебя регистрируем, надеясь, что это просто вывих чьего-то бюрократического разума и ничего после регистрации не случится.

Орк хмыкнул.

И поправил высокий цилиндр, которым дополнил костюм перед высадкой. Из-под цилиндра свисали косы, украшенные разноцветными перьями, что придавало образу некоторую несуразность. Хотя... что тут считать несуразным?

Мимо гордо прошествовал господин в белоснежном кожаном плаще. Плащ был распахнут, что позволяло оценить и рубаху, и клетчатый килт, и кривоватые волосатые ноги.

— И третий. Мы заключаем брак. Решаем свои дела. А дальше, вернувшись домой, брак расторгаем. Если у тебя будет желание.

— А не боишься?

— Чего?

— Что желания не будет, — пояснила Милисента, проводив типа в плаще задумчивым взглядом. — Вдруг решу, что меня устраивает графиней быть?

— Отчего бы и нет... — Чарльз пожал плечами и понял, что его вправду не пугает подобный поворот событий. — Полагаю, из тебя выйдет весьма... эксцентричная графиня.

— Это ты меня обругал или похвалил? — Милисента нахмурилась.

— Это я себя... успокоил. Так храм имеется?

— А то как же. — Эдди весело осклабился. — Ты не поверишь, чего тут только нет!

Собственную свадьбу я представляла себе иной. Ну, когда еще была маленькой, глупой и искренне верила, что выйду замуж по большой любви. Я даже как-то стащила у Мамаши Мо кружевную салфетку, которой та прикрывала гору подушек. И, приладивши на голову, крутилась перед старым зеркалом. А потом медленно и с нужной торжественностью к этому зеркалу шла, представляя, будто иду к алтарю.

Вся такая красивая, в белом платье.

И чтобы шлейф.

Цветочки в волосах. Фата.

Хрипит орган. Матушка смахивает слезы.

Теперь, покосившись на жениха, я отметила выражение крайней решительности на его физиономии. Ну... наверное, дома и вправду устроили бы все красиво. С чердака старой церкви достали бы шелковые цветы, ленты и прочую мутотень, которая там хранится и извлекается исключительно по торжественным случаям.

Матушка точно расплакалась бы.

Или нет?

В местном храме было пыльно и темно. Слабо горела пара лампадок перед темной нишей, а что там в этой нише укрывалось — святой ли Николай или же Мать Прерий с отрезанной головой неверного — не понять.

Главное, что сам храм имелся.

И где-то в вышине, где тонкие оконца пронизывались светом, ворковали голуби.

Это все не взаправду.

Это все... временное. И потом, когда выберемся, графчик подаст на развод. Или я. Скорее даже я, потому как у него воспитание и совесть. А у меня она тоже, между прочим, в наличии. И не буду я живого человека неволить счастливой семейной жизнью.

Он, небось, свадьбу свою тоже представлял иначе.

Я вздохнула.

— Все будет хорошо, — сказал Чарли и по руке меня погладил, успокаивая, значит.

Будет.

У кого-нибудь всенепременно.

Служитель, выслушав наше желание, подавил зевок и сказал:

— Налог пять золотых.

Ну и цены у них тут!

— Еще три храму за услуги. И одна монета за выписку свидетельства. Храм лицензирован, а потому свидетельство имеет вес и во внешнем мире. — Он сунул что-то за щеку и захрустел. — Отдельно можно приобрести кольца, браслеты или иную атрибутику в класси-

ческом стиле. Национальная — под заказ, срок ожидания до трех дней.

Говорил он лениво и, явно утомленный этой речью, замолчал.

— Обойдемся. — Эдди развязал кошель. — Сколько всего? Со свидетельством если.

На кой нам свидетельство?

— Справку для магистрата брать будете? — служитель взял с алтаря счеты.

— Будем.

— Тогда десять монет.

Да уж... ничего святого. Даже свадьбы.

— Свидетели? — запоздало уточнил служитель.

— Есть.

— Нужны жители города, — он покачал головой. — Как минимум двое. Из числа почтенных граждан. Заметьте, репутация весьма важна.

— Сколько? — поинтересовался Чарльз.

— Пять. За каждого.

— Хорошо. — Чарльз взмахом руки остановил моего брата, который, кажется, собирался выразить категорическое несогласие с подобной постановкой вопроса.

— Тогда обождите. — Служитель вытер губы рукавом. — Вон... можете жертву принести. Или помолиться.

— Кому? — уточнил Эдди мрачным тоном.

— А кому хотите.

И ушел.

А мы остались.

— Да, — заметил некромант, оглядываясь. — Здесь все несколько более... демократично, я бы сказал.

Орк и вовсе проворчал что-то на своем, но вряд ли одобрительное. Я же... я волновалась. Мать его, я действительно волновалась, как если бы это все взаправду! И руки вон похолодели, и вспотели даже, и стыдно за это. А еще... еще, видит Бог или боги, уж не знаю, кто там наверху есть и есть ли вообще, но...

Я, может, и не слишком-то к семейной жизни стремилась. Да только свадьбу представляла по-другому.

Чарльз посмотрел на меня, будто спрашивая что-то. Я покачала головой. Ничего страшного. Это просто... просто нервы, наверное. У всех случается. А я живая.

Храм же...

Четыре стены. Четыре ниши. А свечи горят только перед одной, что как-то неправильно. Как если бы на день рождения позвали, а тортом обнесли. Может, и нелепое сравнение, но...

Я коснулась огрызка свечи, торчавшей из плоски, и капля Силы скатилась на фитиль.

Так-то лучше.

Я перешла ко второй нише. И к третьей. И... и мне не жаль огня. Наверное, трудно быть богом в подобном месте.

— Вы... — Я вытерла руки о штаны. — Извините, если что...

К богам так не обращаются.

И нет, никогда я не испытывала особой почтительности, хотя дома в церковь заглядывала. С матушкой. И чтобы ее не огорчать.

Тоскливо там было, но хотя бы чисто.

А тут могли бы и паутину смести. Я бы сама смела, честно, но...

Огни вдруг вспыхнули ярко, как не могло бы быть, поскольку от свечей оставались одни огрызки.

Тихо что-то произнес орк, склоняясь перед нишей, в которой проступили темные очертания... чьи? Не знаю. Как я ни вглядывалась, понять не могла.

Наверное, и правильно. Почему? Просто чувствовала, что правильно. И... и ненадолго задержалась перед другой нишей, из которой на меня смотрела...

— Это сиу? — отчего-то шепотом поинтересовался мой будущий муж.

— Ну... наверное. Только какое-то... оно... она...

Страшная.

— Резчик был безруким, полагаю, — предположил Чарльз. А я подумала и согласилась. Это даже не просто безрукий. Это... это слов нет, до чего безрукий.

— И что надо делать? — поинтересовался он, разглядывая статую, поверхность которой почему-то выкрасили в черный, но краска потрескалась и местами облупилась, оттого и выглядела богиня несколько плешивой.

— А я откуда знаю?

— Ты же отсюда. В смысле, с Запада.

— И что?

— На Востоке почти не осталось таких храмов. — Он отличался изрядной терпеливостью, Чарльз Диксон, третий граф чего-то там. — А те, которые остались... людям там не рады. И вовсе ходят слухи, что их запретят.

— Как можно запретить веру?

— Поверь, можно.

— У нас в городе церковь стоит. Туда все и ходят. Кому молятся — тут уж каждый сам решает. Боги — они ведь не люди, услышат... а так... Эдди иногда в степь уходит. Но я с ним никогда и... не знаю, можно ли так. Вдруг она обидится? Мы все-таки люди. Или...

Я прикусила губу.

Зачем вообще ее поставили? Для сиу? А они есть в городе? Или просто...

Я сунула руку в карман. И вытащила. Надо же... тот самый камушек, который я подобрала на лестнице. Я про него и забыла. Кольца и прочее еще когда разобрали, а вот камушек остался.

Может...

Я протянула руку и осторожно приложила камушек к грубо вытесанному лицу, в котором едва-едва улавливалось сходство с сиу. Резчик и вправду был не особо умелым.

— Прими это в знак... не знаю чего. Просто прими.

Камень блеснул ярко.

И загудело пламя.

Ветром протянуло...

— Вижу, что вы выбрали обряд! — раздался нарочито бодрый голос служителя. — Чудесно... несколько экзотично, однако спешу напомнить, что, вне зависимости от типа выбранного обряда, брак будет считаться законным.

И уставился на Чарльза, будто надеясь, что тот испугается и передумает.

Я бы испугалась.

А Чарли ничего, кивнул и ответил:

— Отлично.

Глава 2,

где брак заключается на земле

В какой-то момент общая абсурдность происходящего, надо полагать, достигла апогея, за которым восприятие Чарльза притупилось. А потому ни храм, в который впихнули всех, кажется, местных богов, ни служитель, сменивший обычное убранство на торжественное, Чарльза не удивляли.

Как и церемония.

Их с Милисентой поставили друг напротив друга и велели взяться за руки. Руки невесты оказались неожиданно горячими, и Чарльз почти физически услышал, как пульсирует Сила, желая вырваться.

От волнения?

Страха?

Женщин необычайно волнуют свадьбы, особенно собственные.

Маменька расстроится.

Она так мечтала устроить сыну идеальную свадьбу. И не раз обговаривала, какой та будет. И... и не такой.

Служитель воздел руки к грязному потолку, с которого свисали пропылившиеся ленты, клочья паутины и высохшие до состояния хрупкости цветы. Цветы от звука голоса — а голос у него оказался на диво громким — крошились, и их крошка сыпалась на голову.

Молча и торжественно стояли Эдди с соплеменником, который вовсе выглядел статуей. Чуть дальше, на лавках, устроились свидетели из числа почтенных горожан. Очевидно, происходящее было для них давно надоевшей рутинной, поскольку полноватый мужчина устало уронил голову на грудь, а после даже похрапывать начал.

Маменька желала, чтобы венчание состоялось все-пременно в главном соборе.

Красная дорожка.

Невеста в роскошном платье, хрупкая и невинная. Прекрасные девочки с корзинками. Лепестки роз. Песнопения...

Алый камень во лбу статуи тускло поблескивал, и Чарльз не мог отделаться от ощущения, что богиня смотрит.

Глупость какая.

Это просто... место такое. И нервы. Нервы у него не железные. Он все-таки живой человек, а после всего пережитого неудивительно, что мерещится, будто статуи смотрят.

Служитель возопил особенно громко, и от голоса его дремлющий свидетель встрепенулся и поинтересовался:

— Уже все?

— Кровь пустят, — неожиданно громким голосом ответил другой. — И тогда все. Потерпи ужо.

Тот, первый, зевнул. Служитель обернулся и скорчил гримасу: мол, торжественность всякую рушите. А затем, вновь повернувшись к Чарльзу, произнес:

— Руку. Правую.

А когда Чарльз протянул — почему-то и мысли не возникло послушаться, — то по руке этой полоснули узким ножом.

Жрец ловко подставил под запястье чашу. Откуда только взялась.

— Повторяй за мной, — велел он. И опять же Чарльз кивнул — сейчас повторит.

Потому что... нет, надо остановиться. Где кровь, там и Сила, а с Силой не шутят. С богиней тоже. Теперь красный отблеск камня мерещился и в глазах ее.

— Кровью своей и жизнью своей...

Чарльз повторял слова клятвы, отдавая себе отчет, до чего опасно клясться кровью и жизнью. И Силу тоже помянули. Она ожила и потекла по жилам, чтобы упасть в треклятую чашу. Но губы сами шевелились, проговаривая слова.

Это неправильно!